

Глава первая

Конор

Лед — это поверхность, которая *ничего* не прощает. Я познал эту истину, когда мне было пять, и знание это было подтверждено сотни — может быть, тысячи — раз за последние семнадцать лет.

Когда врезаешься в поверхность, мало отличимую от бетона, менее больно не становится. Но это может объяснить, почему я так люблю бывать на поверхности замершей воды. Меня тоже никто не может описать прилагательным «всепрощающий».

Я выпрямляюсь, позволяя клинкам своих коньков скользить в знакомом темпе. Отточенный металл непринужденно скользит вперед, а я стараюсь не дать Робби Сэмпсону понять, что его удар по мне крепко пришелся. Сегодня вечером придется ограбить морозилку на замороженный горошек.

— Если сможешь доковылять в «Гэффни», я угощаю первым, — предлагает Хантер Морган, останавливаясь возле меня и дугой отправляя ледяную крошку через центральную линию, осыпая меня от шлема до коньков.

Я стягиваю правую перчатку, чтобы жестом послать лучшего друга подальше.

— Все в порядке. Лучше не бывало. Лед железу не помеха.

Я сгибаю руку в локте — для усиления эффекта. «Если можешь — хвастайся», верно? На меня еще никто не жаловался.

Хантер фыркает в ответ на оскорбительный жест, он не впечатлен.

— Оставь эти фразочки для девушек, Харт. Это мне придется слушать, как ты ноешь из-за этого синяка следующие несколько дней.

— Я не ною, — ворчу я.

— Мне взять тебя на плечо, *капитан*, или сам доберешься до скамейки?

— Мудила, — бормочу я, откатываясь к борту.

Хантер смеется. Он меня слышал. Хорошо.

Я сажусь на скамью и заливаю себе в рот тоника. Морщусь от пульсации в боку, которая — я уверен — превратится в ужасный синяк. Третье звено выстраивается в позицию для непрерывной тренировки в нейтральной зоне, которую мы проводим. Вижу как один из второкурсников на фланге — Коул Смит — оказывается в офсайде.

Секундой позже надо льдом раскатывается: «Смит!»

Коул выслушивает нотацию, которая — как я полагаю — включает в себя крайне красочные выражения и как минимум одно упоминание навыков, полученных еще сопляками, а потом игра возобновляется.

Еще две смены — и мое звено снова на льду.

Я глубоко дышу, проезжая мимо партнеров по звену к синей линии. Боль в ребрах слабеет, когда я вдыхаю и выдыхаю, позволяя холодному воздуху наполнить чувства и легкие. Характерный запах пота и замерзшей воды, какой бывает только на катке, всегда так на меня действует.

Успокоение.

Облегчение.

На льду я неуязвим, неприкасаем. Метафорически говоря. Хоккей не считается бесконтактным спортом.

Дин, помощник тренера, вбрасывает шайбу между мной и Эйданом Филлипсом. Эйдан заслужил свое

место в центре второго звена. Он всегда быстро реагирует на вбрасывании и сражается за владение шайбой.

Я быстрее.

Как только шайба касается льда, я вступаю в игру: смахиваю шайбу на сильную точку своей клюшки и срываюсь в сторону Уиллиса, который пытается прикрыть все ворота до сантиметра своей двухметровой тушей. Я мог бы отправить шайбу прямо к нему. Он следит за левой стороной, потому что я отклоняюсь в ту сторону. Вряд ли у него будет шанс отбить, если я ударю направо. У меня шанс в семьдесят пять процентов — черт, восемьдесят, если ударю под перекладину, — забить эту шайбу.

И я получаю нотацию от тренера Келлера о командной работе. Не первую и уж точно не последнюю.

У мужской хоккейной команды Университета Холт много проблем.

Моя способность забивать голы в них не входит.

Это заставляет меня замедлиться, развернуться и отправить шайбу Хантеру, а не бить самому. Он быстро смотрит на меня и Луиса Джеймисона, пытаюсь решить, кому передать дальше. Один из нас так и не смог отправить ни единой шайбы в створ за всю тренировку, и этот человек — не я.

Хантер проводит те же расчеты, что и я, и приходит к тому же самому выводу. Он пасует Луису, который умудряется сделать щелчок и чуть не пробивает Уиллиса. Наш вратарь перехватывает шайбу на полпути в последний момент и отбивает ее перчаткой к бортам безвредным отскоком.

Резкий свисток разрывает холодный воздух.

— На этом все, парни.

Это все, что он говорит. Если речь не идет о неправильной игре или опоздании на тренировку, тренер Келлер немногословен. В кампусе ходят слухи, что у него

были амбиции выше, чем тренировать сезон за сезоном, достигая редких рекордов при навечно подмоченной репутации. В буквальном смысле. Солнечные дни — редкое явление в Сомервилле, штат Вашингтон, где находится Университет Холт.

— Как думаешь, тренер расщедрится на улыбку, если мы победим в пятницу? — спрашивает Хантер, когда мы выходим со льда и ступаем на резиновые маты, ведущие в раздевалку.

— Он выглядел вполне себе довольным, пока мы не проиграли в овертайме в плей-офф в прошлом году, — отзывается из-за наших спин Эйдан. — Когда это было, Сэмпсон?

— Десятого марта, — отвечает Робби, когда мы заходим в раздевалку и начинаем стаскивать пропотевшую форму. У Сэмпсона есть необъяснимая способность помнить даты, о которых никто другой и не задумался бы. Из него бы вышел хороший детектив.

Эйдан пожимает плечами, расшнуровывая коньки.

— У меня хреново с математикой. Семь месяцев назад? Короче, пусть отработает что получше хмурой рожи, если мы побьем Рокфорд в пятницу. Я не помню, когда в последний раз у меня ничего не болело, а ведь сезон еще *и не начался*.

— Вам с Хартом надо организовать группу поддержки, — с ухмылкой предлагает Хантер. — Я уже слышу, как он жалуется на свои ребра следующие несколько дней. Охрентельно большое тебе спасибо, Сэмпсон.

Робби смеется:

— Нет боли — нет результата.

— Харт — наша единственная надежда на чемпионство. Будь с ним поосторожнее, — наставляет его Эйдан.

— Я ненавижу вас всех, кроме Филлипса, — заявляю я, прежде чем отправиться в душ.

Несмотря на вялый напор воды, теплый душ льется на мои мышцы, как жидкий рай. Дело не только в ударе от Робби. Те же семь месяцев тренер мрачно выжимал из меня все соки. Регулярные пробежки. Тренировки с дополнительным весом. Бесконечные круги по катку. Я еще никогда не был в такой хорошей форме. Если учесть, что я посвятил всю свою хоккейную карьеру тому, чтобы всегда быть самым быстрым на льду, это о чем-то говорит.

В отличие от тренера Келлера, я со *своими* большими надеждами еще не определился. Профессиональные хоккейные команды не берут игроков из учебных заведений вроде Холта с зыбкими шансами наткнуться на нового Уэйна Гретцки среди посредственности. Если мне нужен шанс, надо поднять шум. Шум, который скауты и менеджеры не смогут игнорировать. Шум уровня отвисших челюстей — невероятный сезон, гол формата национального чемпионата.

Я хорош. Проблема в том, что хоккей — это командный спорт, и, как бы я ни любил этих парней в раздевалке, ни один из них не смог бы играть в школе с хоккейной программой лучше, чем в Холте. Я мог бы, и тот факт, что не играю, — одна из многих вещей, от которых мне горько. Вместе с несвоевременным — мягко говоря — сотрясением в летнем тренировочном лагере, из-за которого я пропустил сборы и драфт два года назад. Контракт свободного агента — вот теперь моя единственная надежда на профессиональный спорт.

Я намыливаю волосы и смотрю, как белая пена исчезает в сливе, потом выключаю воду и беру потертое полотенце. Холт знатно экономит, когда дело не касается спортивного оборудования. Я возвращаюсь к своему шкафчику, вытаскиваю спортивный костюм «Хоккей Холта» — практически все, что я ношу, — и вытираю волосы ветхим полотенцем: жду, пока Хантер соберет свое барахло.

Моя машина в мастерской, так что приходится либо полагаться на него, либо ходить под дождем.

— В «Гэффни»? — спрашивает Хантер, вытаскивая свою толстовку «Хоккей Холта».

— Да, конечно.

Дома меня ждет только пакет с горошком и гора домашних.

— В «Гэффни», Сэмпсон?

— Черт, да, я туда, — отвечает Робби.

— Я тоже, — добавляет Эйдан.

— А ты, Уильямс? — спрашивает Хантер Джека Уильямса, когда тот выходит из душевой.

— Не могу. Мы учебной группой собираемся.

Мы с Хантером обмениваемся взглядами, и чудо, что никто из нас не прыскает от смеха. Джек из тех добродетельных студентов, которых мне проще представить играющими в гольф, чем в хоккей. Он достойный защитник, но чужак в команде. В отличие от всех остальных, в университете он хочет не только напиться и страдать фигней. И играть в хоккей, конечно.

Слухи о наших планах после тренировки быстро расходятся среди остальных парней. Хантер заканчивает собираться, и мы выходим в легкую морось, падающую с неба. Спортивный комплекс Холта состоит из трех зданий: катка, баскетбольного и тренажерного залов и, наконец, бассейна со стандартными спортивными снарядами вроде беговых дорожек и эллиптических тренажеров.

В отличие от крупных вузов, которые больше ориентированы на спорт, в Холте нет никаких привилегий для студентов-спортсменов по сравнению с другими обитателями кампуса. Нам приходится составлять расписание на катке, расходясь с местной молодежной хоккейной командой «Сомервилль Шаркс» и открытыми уроками катания для горожан два вечера в неделю. За время

в тренажерке ведутся напряженные переговоры между нами и баскетбольной командой.

Единственный плюс в том, что апатию университета к атлетике разделяют и большинство студентов. Мы боремся за время и место с другими спортивными командами и школьниками. Мало кто из студентов Холта совершает долгие, часто очень мокрые прогулки в спортивный комплекс на самом краю кампуса, чтобы регулярно тренироваться.

Или приезжают. Когда мы подходим к внедорожнику Хантера, парковка пуста, за исключением нескольких машин. Эйдан направляется с сияющей красной тачке — источнику бесконечных шуток со стороны всех остальных. Она слегка напоминает пожарную машину. И сильно выделяется на фоне бледно-серой вашингтонской осени, переходящей в зиму. Эйдан тоже не любит смешиваться с толпой, так что она ему подходит. И его машина работает, чего нельзя сказать о моей.

Ехать до «Гэффни» недолго. Мы уже на периферии кампуса, ближе к центру Сомервилля. Ехать нам прямо по улице с оригинальным названием Мэйн-стрит к маленькому скоплению зданий, составляющих, собственно, центр городка. То, что можно назвать торговым центром, включает в себя пару дешевых магазинов и сетевой супермаркет, а дальше стоят городская библиотека, почта и начальная школа. Сразу после этого — места, где студенты Холта проводят львиную долю времени. Пара кофеен, итальянский ресторан, книжный магазин, популярная пончиковая, а в дальнем конце улицы — «Гэффни».

Хантер паркуется напротив открытой террасы, которой мало кто пользуется. Я уже понял, что пить холодное пиво с горячими девчонками намного менее приятно под дождем.

Оскорбляющая взгляд тачка Эйдана тоже втискивается на свободное место через пару минут. Некоторое время мы слоняемся по парковке, поджидая остальных — большую часть команды. По вечерам тут откровенно негде развлечься, особенно по будням. А еще, несмотря на уйму времени, которое мы проводим вместе (а может, и благодаря ему), мы очень спаянная команда. Зависать где-то, помимо катка, для нас не редкость.

Половине парней нет двадцати одного, но это неважно. Игрокам в хоккей наглости не занимать. Лишь немногие выглядят несовершеннолетними. А еще мы в шаговой доступности от кампуса Холта и районов, где живет большинство студентов. Самым опасным пьяным решением может быть только прогулка не на север, а на юг, к ледяным, темным глубинам залива.

Мы заваливаемся внутрь шумной массой свежeweымытого тестостерона.

В «Гэффни» небрежная атмосфера, естественная, а не организованная нарочно. Потертые полы, старые песни в стиле кантри и вечера с викторинами. Когда мы входим, ресторан уже забит, в основном другими студентами Холта. По вторникам крылышки и пиво идут за полцены — их легко продать студентам, удрученным тем, что неделя едва ли добралась до середины. Обычно я чувствовал бы то же самое, но матч в пятницу заставляет меня сомневаться в желании, чтобы это время пролетело побыстрее.

Семь месяцев подготовки ради одного часа на льду.

Это первый матч моего выпускного сезона. Их будет больше. Тридцать четыре, если быть точным. Но пятница — мой шанс начать реализовывать свои планы. Не бывает второго первого впечатления. Взрывной старт, прежде чем остальные сюжеты сожрут и без того ограниченное время студенческого хоккея, — мой лучший шанс

привлечь внимание, в котором я так отчаянно нуждаюсь. Других рабочих вариантов у меня нет.

— Привет, Харлоу.

Я отвлекаюсь от тревожных мыслей на невинное приветствие Эйдана, когда мы проходим мимо одного из занятых понтовых столиков. Несколько других парней из нашей компании повторяют его, с улыбкой приветствуя рыжую девушку, мимо которой я прохожу без слов. Не будь я так угнетен и отвлечен, я бы быстрее ее заметил.

Я могу вести себя так, будто ее не существует, но я всегда ее замечаю.

У нас с Харлоу Хейз общая история.

И не из тех, что мы пишем сами. Поэтому все сложно. Беспорядочно. Противоречиво.

Одно дело было на первом курсе, когда я мог заметить разве что проблеск ее огненных волос в столовой или на площадке во дворе. Наши пути не пересекались. Холт не самый большой вуз, но достаточно большой, чтобы избегать человека при достаточной мотивации. У нас обоих мотивация была. И есть.

На втором курсе она встречалась с Джеком Уильямсом, благопристойным членом моей команды. Они разошлись через пару месяцев, но их короткий флирт каким-то образом перешел в товарищество с парой других парней из моей команды, достаточно сильный, чтобы они отказались подражать мне и притворяться, что ее не существует.

В большинстве случаев они бы прыгнули за мной со скалы. Девчонка, которая испекла команде печенье *один раз*? Посмеялась над парой их забавных шуток? Им было полностью плевать на то, что я думаю.

Хантер смущенно смотрит на меня, плюхаясь рядом за выбранный мной столик. Остальные тоже рассаживаются. Хантер ничего не говорит, но я знаю, его обескураживает — как и всю команду, — почему я отказываюсь

говорить с Харлоу. На льду я вспыльчивый. Если кто начинает задирать, я первый стаскиваю перчатки. Но вне его я, как правило, добродушный парень. Случайная девушка, вызвавшая мою ярость, не укладывается в картинку.

Не меньшее недоумение вызывает то, как она ведет себя под стать моему вечному хамству. В те несколько раз, когда мы находились в непосредственной близости, Харлоу точно так же упорно меня игнорировала.

У нас не холодная война, а ледяная, на обоих фронтах, и парни это замечают, даже если не понимают причины.

Объяснение потребует делиться теми фактами из моего прошлого, которые я не обсуждаю. Я устал оттого, что эта болезненная правда делает меня тем, кто я есть, и твердо решил отказаться от этого, как только покинул городок, в котором вырос. И ни одной девчонке этого не изменить.

— Рад видеть, что ты такой общительный, Харт, — острит Эйдан, опускаясь на стул. Я полагаю, он питает к ней слабость из-за буйства гормонов.

Я фыркаю:

— Да общительный я. С тем, кто мне *нравится*.

— А чем Харлоу может не понравиться? — спрашивает Робби, поднимая брови. — Не доберись Уильямс до нее первым...

За столом звучит согласное бормотание.

Я не знаю деталей, потому что избегаю этой темы разговора любой ценой, — но знаю, что Джек плохо воспринял расставание с Харлоу. Плохо в стиле «два года спустя у меня еще есть к ней чувства». Он с кем-то встречался после нее, но ничего серьезного. Ни один парень в команде не хочет создавать ненужные проблемы, связываясь с Харлоу, и, кажется, мне пора переставать стебаться над стилем одежды Джека, потому что это для меня очень выгодно.

Официантка подходит принять наши заказы. Эта симпатичная блондинка уже нас обслуживала. Стейси, вспоминаю я благодаря бейджику с именем, небрежно прицепленному на футболку.

— Привет, мальчики, — приветствует нас она, обозревая стол. Ее карие глаза вспыхивают, задерживаясь на мне. Я подмигиваю ей, и она краснеет.

Я беру и просматриваю ламинированное меню, пока парни начинают делать заказы. Я каждый раз беру бургер и пиво, но тут уж либо изучать варианты, либо ближайšie пять минут слушать, как Робби колеблется — брать крылышки или пиццу. Я тарашусь на фразу про специальное ограниченное предложение от «Гэффни», пока буквы не начинают расплываться.

Наконец я поднимаю глаза. Поворачиваю голову влево. Задерживаю взгляд на столике, у которого парни оставались пару минут назад, а я прошел мимо.

Она не смотрит в эту сторону. Внимание Харлоу сосредоточено на темноволосой девушке, сидящей рядом с ней и активно жестикулирующей обеими руками во время рассказа, что вызывает у Харлоу смех.

С ними какие-то другие люди, но я не замечаю ни одной подробности хоть о ком-то из них. Я позволяю себе изучать Харлоу — девушку, с которой я никогда не говорил и никогда не буду. Она горяча. Красива. Ошеломительна. Ненависть не дает мне такого иммунитета к ее внешности, как мне хотелось бы. Харлоу Хейз — канадский импорт, куда симпатичнее, чем сырая нефть или кленовый сироп.

Рыжие волосы.

Высокие скулы.

Пухлые губы.

Но... «Чем Харлоу может не понравиться?»

Она виновна по соучастию.